

Живет в Вангажи (Латвия).

Глубина

Когда рассвет над крышами забрезжил,
реальность вторглась в тёплый морок сна.
В такой момент —
неясный, порубежный
явилась к человеку глубина.

Невидима,
неслышна,
невесома,
прозрачнее оконного стекла,

она, струясь над человеком сонным,
привычно пробуждения ждала.

Столетняя, накопленная жажда
томила и сушила глубину:
найти ещё разок,
хотя б однажды
желающего в бездну заглянуть...

Узнав её присутствие, предметы
приобретали новый вид и смысл,
и дирижаблем с воздухом нагретым
мир обновлённый поднимался ввысь.

А человек –
один из миллионов –
проснулся, встал,
зевнул,
надел штаны,
укутался в рутину и шаблоны,
и даже не заметил глубины...

Она ушла,
расшвыривая гневно
старинный бисер выпренных цитат:
«Имеющие уши –
и не внемлют,
имеющие очи –
и не зрят!»

Едва успели смолкнуть отголоски,
как всё вернуло формы и места.
Мир погрузнел
и превратился в плоскость,
старательно гнездясь на трёх китах.

Городок

В городок я явилась почти налегке,
с биркой аэропорта на рюкзаке.
Жизнь меня зафутболила в эту дыру,
и я думала, что умру
от тоски по тем городам, у которых нормальный пульс,
у которых люди проворнее снулых медуз,
а ночью огни горят.

Это было пять лет назад.

Городишко заштатный (три тысячи жителей в нём)
долго силился выжить меня, навсегда изгнать!
Он ломился в окно аномально косым дождём,
по его приказу улиткой ползла весна,
а дома исподкрышья тарасились окнами зло.

Только я была упряма, как сто ослов:
«Не согнуть меня ему ни в дугу, ни в рог.
Подружусь... понравлюсь...
Да что там, привыкну хотя б!»
Он ещё извивался щупальцами дорог,
но былой боевой настрой поиссяк, ослаб.

Первый шаг к примирению сделал он.

Городок мог быть симпатичным, когда хотел!
Засылал смешных синичек на мой балкон,
(у каждой – частичка солнца на животе),
подметал верхушками сосен небесный свод,
чтобы тучи скорее убрались за горизонт,
водосточными трубами пел развесёлый бред,
находил людей –
тех, которым можно сказать «Привет!»

И меня в столицу (где таких, как я – миллион),
только силой теперь можно вытолкнуть из городка,
Не чужой, не мой...
А какой?
Да, какой же он?
Прилагательного не могу приложить пока...

В краю, где только свет

Мы встретимся в краю, где только свет,
а тьмы, как таковой, не существует.
Возможно, только лёгкий сумрак...
Нет!
Не стоит говорить о мрачном всуе.

Ты будешь светом, светом буду я,
огнём деревья, искорками птицы.
У каждого создания бытия
одно предназначение –
светиться.

Там истекает золотом рассвет,
а вечер пахнет ладаном и миррой.
Мы встретимся в краю, где мрака нет,
он лишний для сияющего мира.

Где этот край?

За сотней тысяч вёрст,
за ливневой серебряной завесой,
за целыми галактиками звёзд,
за синим морем,
за дремучим лесом,
за тридевять земель,
в пяти шагах –
за тем, что только будет между нами,
за тем, что нам сейчас внушает страх,
за мыслями, надеждами и снами.

Как этот край зовётся?

Не скажу.
Нет в языке ни слов таких, ни звуков.
Название подобно миражу,
плесканью мощных крыл и сердца стуку.

В надмирный край,
в страну, где только свет,
вольёмся, словно капля дождевая,
одна всего -
ведь там разлуки нет.
Я непреложно это знаю.
Знаю.

